

Идеи и жизнь

КРЕСТ И СЕРП С МОЛОТОМ

Тема этой статьи, — главным образом о том, можно ли, при наличии известных оговорок, написать между словом «крест» и словами «серп с молотом» союз «и», или при всех обстоятельствах надо писать союз «или».

В наше время, как будто бы окончательно, выясняется, что в мирѣ борются двѣ силы, — сила христіанства и сила безбожнаго, воинствующаго коммунизма, и промежуточное пространство между ними все болѣе исчезает, проваливается, в полном отсутствіи воли и творчества. А от такой исключительности этих двух сил все яснѣе их непримиримость, их несогласуемость. Таким образом как будто бы совершенно ясно, что и между символами этих сил — между крестом и серпом с молотом — должна существовать такая же несочетаемость, такая же непримиримость, как и между самими силами. Оно и на самом дѣлѣ так, если мы придадим серпу и молоту то условное значеніе которое придали им коммунисты: серп и молот, — символ диктатуры пролетаріата, символ вводимой желѣзом и кровью системы принудительнаго счастья, символ поглощенія человѣческой личности безличным коллективом, символ классовой борьбы, символ уравнительности. К этому можно многое добавить, чего сами коммунисты не добавили бы, но что по существу должно быть теперь связано с этим символом: он говорит о рабствѣ, о насилии, о мертвечинѣ, о ГПУ, о Соловках, — он говорит, — кричит даже, — о церковных гоненіях, о безбожной пятнадцатлѣткѣ, — о всем том, что прямо противоположно христіанскому отношенію к жизни, к человѣку, к труду, к творчеству, к историческому процессу, к отношенію между классами и т. д. Итак нам надо как будто бы поставить в заглавіи статьи словечко «или», и считать, что и самой темѣ ея в таком видѣ, как она первоначально озаглавлена, не существует. Но между тѣм... между тѣм миру сейчас нужна и насущна подлинная идея серпа и молота, очищенная от коммунистическаго извращенія. Болѣе того, — не только миру, — Кресту нужно, чтобы в мирѣ эта подлинная идея серпа и молота была воплощена. Другими словами, сейчас становится все яснѣе и яснѣе, что извѣстныя слова Интернаціонала: «Никто не даст нам избавленья... Добьемся мы освобожденья своею

собственной рукой», — нуждаются в существенной поправкѣ, и собственной рукой никто ничего не добьется.

Освобождение жизни из тупика, в который она попала, может исходить только оттуда, гдѣ силы большія, чѣм в ней самой, — только оттуда, гдѣ есть возможность сверхфизическаго, сверхъисторическаго разрѣшенія вопроса. Освободить и направить нашу жизнь может только Церковь. Нужно чтобы Церковь, обратившись к волюю міра, к социальному аду, несправедливости, кризисам, безработицѣ, — сказала словами, врученными ей от вѣка: «Придите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою вас». Вот единственныя руки, которая дѣйствительно могут дать избавленіе, которая могут освятить человѣчскій путь и передѣлать серп и молот в символ труда во Имя Христово, — труда на Христовой нивѣ.

Итак, первое положеніе: только именем Христовым можно сейчас сдѣлать единственное нужное міру дѣло, — вывести его из тупика современной безбожной бесплодности и бездарности. Именем Христовым, Крестом Христовым можно придать серпу с молотом их подлинный смысл, — Крестом освятить и благословить труд. «И» не только может, но и должно стоять между словами: «Церковь» и «труд», «Крест» и «серп с молотом».

Тут трудность не в принципѣ, — уничтожьте большевицкій, насильнической подход к дѣлу, и все будет просто. Принципіально, Крест должен быть сочетаем с трудом.

Сложность в том, что возникает еще один очень существенный и рѣшающій вопрос: Крест должен быть сочетаем с трудом, — а это возможно только при наличіи еще одной возможности: если доказано, что символ серпа и молота может быть очищен от начала насилія и принудительности, если трудовое начало может быть свободным и вольно избранным. Такое условіе неизбежно, потому что и Христос, и Крест, и Церковь ни при каких обстоятельствах не могут идти рука об руку ни с чѣм, в чем есть элемент насилія и рабства. Поэтому, напримѣр, совершенно невозможно говорить о христіанизации коммунизма. Христіанизация коммунизма иначе значит уничтоженіе самой его сердцевины, — его принудительности, его насильничества, диктатуры пролетариата, партійной гегемоніи коммунистическаго правящаго отбора.

Христос — это свобода; Христов Лик, — это утвержденіе в каждом человѣкѣ его свободнаго и богоподобнаго лица, Церковь — это свободный и органический союз вѣрующих со Христом и с Христовой свободой, и Христос призывает труждающихся и обремененных взять Его иго, которое легко, потому что берется свободно. Итак, Христос и насиліе несочетаемы. Если трудовой принцип в современности неизбежно сочетается с насиліем, с диктатурой, с кровью и желѣзом, — то он, дѣйствительно, не сочетается с крестом, и между

словами «крест» и «серп с молотом» надо, действительно, ставить раздѣляющее словечко «или».

Как легко и просто доказать очень убѣдительными доводами возможность свободнаго труда и свободнаго построения общества на трудовом началѣ! В самом дѣлѣ, человечество достаточно испытало на себѣ двѣ противоположныя системы принудительности и насильственности. Старая принудительность капиталистическаго строя, уничтожающая право на жизнь и оставляющая лишь право на труд, за послѣднее время стала лишать и этого права. Принудительность кризисов, принудительность безработицы, принудительность внутренне не оправданнаго и безрадостнаго труда, — довольно всего этого. Но попробуйте перейти к противоположной системѣ, — она оказывается системой коммунистической принудительности, — тѣм же безрадостным трудом из-под палки, хорошо организованным рабством, насилем, голодом, — довольно и этого. Каждому ясно, что надо искать путей к свободному, цѣлеустремленному и цѣлесообразному труду, что надо нам принять мир, как нѣкій сад, воздѣлывать который нам надлежит. Кто в этом сомнѣвается?

И вот тут то и встает самый главный соблазн, самое мучительное сомнѣніе, тѣм болѣе убѣдительное, что оно покоится не только на принципах, но и на конкретном нашем жизненном опытѣ.

Начинается вѣчный спор между свободной истиной Христовой и нѣким иным началом, спор, так мудро и точно выявленный Достоевским.

Иное начало, у Достоевскаго имѣющее так много обликов, — сначала древній Рим, великій и принудительно организованный человѣческой муравейник, потом великій Инквизитор, насильственно насаждающій повсемѣстное счастье, и снимающій отвѣтственность, т.е. свободу с человѣческой души, наконец, Шигалев и шигалевщина, Бѣсовщина Бѣсов, уравниеніе гор, обращеніе человечества в сытое и довольное стадо, имѣющее правда, обязательный труд, но зато свободное от всякой отвѣтственности.

Так было в дни Достоевскаго. В наши великій Шигалев воплотился. В наши дни он дѣйствует под псевдонимами, приобрѣтшими мировую славу. Сначала его псевдонимом был «Ленин», теперь «Сталин», «коммунистическая власть», «генеральная линия партіи».

В воплощеніи он оказывается с большим количеством изъящев, чѣм теоретическій Шигалев Достоевскаго. Тот обѣщал человѣческому стаду сытость и довольство, — этот держит всѣх впроголодь. Но принцип-то тут один и тот же, — насильственность вводимой системы цѣнностей.

Христос, давая нам свой свободный путь и свое волюно избираемое иго, этим самым как бы подтвердил возможность вѣры в человѣческую свободу и в божественное достоинство человѣческаго лица.

А мы? Вѣрим ли мы в эту свободу? Вѣрим ли мы в это достоинство? Не только в ком-то другом, а в нас самих, каждый сам в себя? Очень трудно отвѣтить на этот вопрос положительно, хотя и хочется этого положительного отвѣта. И обратно, — уж очень много данных для отвѣта отрицательнаго.

В каждом из нас сидит маленький Инквизитор, и маленький Шига-лев, и маленькая генеральная линия партіи, — потому что мы сами ждем по отношенію к себѣ принудительности и охотно примѣняем эту принудительность, налаживая свою систему жизни среди других. И не в этом даже наша главная бѣда, а в том, что эти другіе свои отношеніем к свободѣ и принудительности пытаются нашего внутренняго Шигалева.

О чем я говорю? О самом страшном, что есть в земной жизни, в историческом процессѣ, в біеніи современности, — в том, что никто, никто не хочет вольно и дружно, свободно и братски строить подлѣнную, трудническую и свободную, любовную христіанскую жизнь. Если строят, то строят нѣчто иное, если же есть и не иное, — то не в жизненном строительствѣ, а в иногда очень замѣчательных, но всегда — словах и теоріях и только словах и теоріях.

Как пианисту или пѣвцу нужно ежедневно играть и пѣть самыя элементарныя гаммы, — упражняться, — иначе у него ничего сложнаго не выйдет, — как ремесленнику нужен извѣстный мускульный навык, как нужна тренировка борцу, — так и в христіанском подвигѣ преобращенія міра должна быть свободно создаваемая малая бытовая жизнь.

Зачѣм говорить о братствѣ народов, если мы живем не по братским с сосѣдом по комнатам?

Зачѣм говорить о свободѣ, если мы не умѣем свободно считать наших творческих усилій?

Зачѣм говорить о христіанском отношеніи к труду, если мы работаем из-под палки или никак не работаем?

Свободное трудничество, — вот основа наших путей во Христвѣ. И основа эта должна проникать нашу ежедневную и будничную жизнь. Если это не будет так, то прав великій Инквизитор, права генеральная линия партіи, правы всѣ насильники, удавники, диктаторы и рабовладѣльцы и люди не — образы Божіи, а стадо.

В этом свободном трудничествѣ наши усилія должны создавать из всякаго общаго дѣла нѣкій монастырь, нѣкій духовный организм, нѣкій малый орден, нѣкое братство. Если это не так, то это значит, что мы не поняли и не приняли самаго основнаго, что есть в едином великом монастырѣ, в едином великом организмѣ, в едином ордентѣ, в едином братствѣ, — в Церкви.

Большая радость у тѣх, кто не сомнѣвается, что свободное трудничество может быть осуществлено в жизни людей. И горе тѣм, кто эту вѣру колеблет.

Монахиня Марія (Скобцова).